

ОТЗЫВ
официального оппонента Анчабадзе Юрия Дмитриевича
на диссертацию Разаханова Саида Сефербековича
«Трансформация элементов материальной культуры лезгин Дагестана
под влиянием социокультурных процессов конца XX – первой четверти
XXI века»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 5.6.4. Этнология, антропология и этнография

Изучение материальной культуры всегда было одним из столпов этнографической науки, одной из наиболее популярных исследовательских тем. И, действительно, уникальность этой сферы культуры – жилища, одежды, утвари, пищи – их локальная и этническая вариативность, в немалой степени наглядность и зримость этих элементов народной культуры, их несомненные эстетические достоинства стимулировали активный исследовательский интерес и породили огромный объем разнообразных нарративов и описаний.

Но в последние десятилетия заметно явное снижение исследовательского внимания к материальной культуре. Оно не пропало полностью, но в целом интенсивность соответствующих работ снизилась, объектное поле сжалось. В то же время наблюдается некая парадоксальная ситуация, когда неожиданно актуализируются отдельные компоненты жизнеобеспечивающей сферы, которые становятся предметом всеобщего анализа и изучения – таков, например, нынешний интерес к алиментарной культуре. Какой бы этнографический журнал не взял в руки, какие бы не попались материалы конференций, обязательно обнаружатся статьи и материалы, посвященные пище, пищевым традициям народов мира, специфике национальной кухни в современных условиях и т.д.

Или же конъюнктурно выхватывается какой-нибудь элемент материальной культуры, к которому оказывается привлечено внимание – в кавказоведении это, например, пресловутый хиджаб; как из рога изобилия сыпятся статьи об этом элементе одежды, разгораются споры и дискуссии о его соответствии традициям, либо противоречии с ними и т.д., причем дискуссии в ряде случаев приобретают истеричный и малопродуктивный характер.

Но в целом сегодня можно констатировать, что все многообразие материальной культуры оттеснено на периферию исследовательских направлений современной этнологии.

Это неправильно, так как человек продолжает жить материальном окружении, и оно по-прежнему оказывает во многом доминантное влияние на многие социальные процессы, в которые индивид вовлечен как в личностном аспекте, так и как член своей группы. Не меньшее значение имеет духовный аспект, поскольку материальное окружение непосредственным образом влияет на духовную составляющую этнического бытия, формирует многие его ориентации, равно как и духовные аспекты бытия человека формируют желаемые параметры материального мира повседневных социальных взаимодействий.

В этом аспекте я полностью согласен с диссертантом – С. С. Разахановым, отметившим научную актуальность своего исследования, равно как и с другим отмеченным им актуализированным аспектом, когда диссертант исследует «механизмы сохранения, внедрения и закрепления инноваций в этнической культуре» (с. 3). И хотя общетеоретические подходы к этой проблеме разработаны, однако исторические тренды современного развития человечества, связанные с глобализационными процессами, с вестернизацией окружающего социального пространства и т.д. - требуют новых исследовательских усилий на самых разных уровнях познавательной деятельности - от философской и культурологической до той сферы, которой занимается наша научная дисциплина.

И здесь автор использует уже апробированные методологические приемы и самый главный – метод полевой работы. Не хочется снова сетовать, но нельзя не заметить, что научная ценность полевой работы снижается, а ее заменяют анализы соцсетей, необременительные псевдо-социологические опросы и т.п., которые дают какой-то объем информации, но не могут заместить данные, которые получаемы в результате применения основного дисциплинарного метода нашей науки - полевых исследований. С.С. Разаханов в своей работе применил их в полном объеме.

В соответствии с логикой структурного подхода к реализации исследовательских задач, автор разделил свою работу на четыре раздела (главы) соотнеся их содержание с основными компонентами, традиционно входящими в понятие *материальная культура*, или по другому, на мой взгляд, более точному и адекватному определению *культура жизнеобеспечения* □ это поселения, жилище, одежда, пища.

Обращаясь к первой главе диссертации «Поселенческая культура», сразу же становится очевидным, что в исследовательской оптике автора ситуационный объект внимания – в данном случае «поселение», трактуется весьма расширительно. В это понятие С.С. Разаханов включает не только жилую зону поселения в совокупности расположенных в ней жилищ и построек, но и все материализованное в различных

артефактах пространство жизнедеятельности поселенцев. Исходя из такого понимания автор включает в объем поселения не только объекты внутренней локализации, но и расположенные вне его основной территории - это кладбища, пиры, зийяраты, мосты, дороги, источники воды и родники, культовые объекты, сакральные локусы, священные рощи, деревья, скалы, горы и другие природные объекты и т.п. Все они включены в хозяйственный или духовный обиход жителей поселения, в той или иной степени функциональности отвечают их хозяйственным и духовным потребностям, обслуживают их и тем самым оптимизируют и поддерживают оптимальные уровень и качество жизни поселенцев.

Приступая к изложению материала, автор начинает с типологии традиционных и современных поселений. Подразделяя их на *хъур*, *казамлар* и *кышлаг*, автор в данном случае следует за классическими трудами С.С. Агашириновой, С.О. Хан-Магомедова, М.-З.О. Османова, изучавших поселенческую культуру лезгин, однако в дальнейшем привносит в эту типологию очень широкое, объемное нарративное содержание, применяя интересный и весьма продуктивный прием, я бы сказал, *фронтального* описания поселений и их структурных частей.

В частности, анализируя внутреннее пространство лезгинского поселения, С.С. Разаханов показывает его сложную структуру, отражающую квартальную, тухумную, патронимическую, географическую (расселение на южных или северных склонах), хозяйственную, социальную, иерархическую специфику отдельных концов и участков аула. Весьма подробно, целенаправленно и детализировано описывается структура общественных и культовых локаций лезгинского аула: расположение годекана, квартальных и джума-мечети, сакральных объектов (пиров и зийяратов). Автором рассматривается еще один структурный элемент лезгинских поселений – хозяйственный: мельницы, пекарни, торговые точки и др. Не остается без внимания форма застройки аула – кучевая или горизонтальная, а также комплекс сопутствующей инфраструктуры (дороги, мосты, переходы, тропы), которые обеспечивали связи и коммуникации в рамках региона. Повторю – описания даются подробные, конкретные, детализированные, методом, как я позволил себе его определить – фронтальной дескрипции. Мне представляется, что для реализации поставленных автором целей, это верный и правильный методологический и исследовательский подход.

Оппонент специально обращает на это внимание, так как данный методологический прием в рассматриваемой диссертации не случайный. С.С. Разаханов применяет его и в последующих разделах своей работы. Во второй главе «Жилища» он рассматривает типологию и основные конструктивные и функциональные особенности на

фоне социально-экономических и этнокультурных процессов в лезгинском ауле. В третьей главе анализируются утилитарные, знаковые и обрядовые функции мужской и женской одежды лезгин. В заключительной, четвертой главе - «Культура питания» автор обращается к такому элементу жизнеобеспечивающей системы, как пища, рассматривая ее не просто как набор блюд и изготавливаемых кулинарных изделий, но и как культурный феномен, функционально встроенный в повседневную, праздничную, обрядово-ритуальную, социально-маркированную жизнедеятельность социума.

В этом отношении могу констатировать, что одна из задач, которую ставил перед собой диссертант – «описание трансформированных элементов материальной культуры (поселения, жилища, одежда, пища) лезгин, расселенных во всех хозяйственно-культурных ареалах» – С.С. Разахановым выполнена, понятно, что в тех целевых рамках, которые сформулированы в положениях, выносимых на защиту.

В то же время не могу не обратить внимание на некоторые недоработки, которые встречаются на страницах описаний. Так, на стр. 132 утверждается, что «речную рыбу («балугъ») лезгины, как и другие горцы, не употребляли, но охотно ели, предварительно обжарив на огне...». Рыбный компонент – это существенный элемент системы питания, один из важнейших источников поступления белка в человеческий организм. Помимо этого, наличие рыбного компонента подразумевает существование у социума хозяйственных навыков по добыче рыбы и морепродуктов и соответствующих способов их обработки, потребления, хранения и т.п. Но из вышеприведенной цитаты совершенно неясно, присутствует ли рыбный компонент в системе питания лезгин, или исключен, или оттеснен на периферию системы питания, или вовсе табуирован (как у некоторых народов).

Некоторые замечания вызывают классификационные схемы, которые использует автор. В зависимости от познавательных целей классификации могут быть самые разные, но исследовательский подход заключается в том, чтобы предложить такие основания для классификации материала, которые бы охватили всю совокупность классифицируемых элементов. У диссертанта это не всегда получается.

Опять-таки обратившись к системе питания, С.С. Разаханов делит ее на два вида трапез «домашние (повседневные и гостевые) и общественные (праздничные и поминальные)» (стр. 136). Но куда в таком случае отнести такую описанную им разновидность как пища рожениц. Очевидно, что ее нельзя классифицировать как общественную трапезу. Вполне допустимо ее рассматривать как домашнюю, но она не укладывается в предлагаемые таксоны «повседневные» и «гостевые».

Есть вопросы по поводу классификации трапез, связанных с праздничными событиями. В системе описываемых трапез на Новый год, Курбан байрам, Ураза байрам, Яван сувар праздничная пища готовится дома и потребляется там же вечером за праздничной трапезой, на которую собираются в основном домочадцы. Таким образом, это домашняя трапеза, но она не может быть классифицирована ни как «повседневная», ни как «гостевая». Эти трапезы не могут быть отнесены и под другой квалификационный таксон – «общественные». Правда, по ритуализованному обычаю пища всегда раздается соседям, родственникам, знакомым, или просто нуждающимся, однако эти действия не придают соответствующим трапезам «общественный» характер. Следует, правда, отметить, что в последнее время все большую популярность приобретает практика общественных ифтаров, когда совместными усилиями праздничные столы с угощениями устанавливаются вне дома, для общей трапезы, в которой принимают участие ближние и дальние соседи, гости и др., но существует ли эта практика у современных лезгин автор, к сожалению, не уточнил.

Впрочем, эти недочеты ни к какой мере не умаляют научных результатов, которых добился С.С. Разаханов, осуществив фронтальное описание элементов материальной культуры лезгин.

В то же время хорошо выполненная дескрипция – это лишь одна из целей, поставленных перед собой диссертантом. Для реализации другой, по существу главной и основной, □ изучение процессов трансформации элементов материальной культуры лезгин Дагестана – С.С. Разаханов вводит еще две исследовательские опции.

Первая основана на зональной типологии изучаемых элементов материальной культуры. Лезгины расселены во всех трех зонах обитания человека – от равнинных регионов до высокогорья, соответственно в разных природно-климатических условиях, которые детерминировали различные социокультурные приемы и навыки жизнедеятельности, практики направленного взаимодействия с окружающей средой, способы адаптации к экологическим условиям места проживания. С.С. Разаханов последовательно рассматривает действующие в этом отношении закономерности и зональную дифференциацию и специфику элементов материальной культуры.

Вторая опция хронологическая. Вопреки названию диссертационной работы автор расширяет временные пределы своего исследования, начиная с традиционного состояния бытовой культуры, которые в этнографической литературе обычно соотносятся с периодом XIX-начала XX вв. Я считаю это правильным решением, ибо только на достаточно протяженной темпоральной дистанции возможен полноценный анализ

трансформационных процессов в сфере бытовой культуры социума, анализ новационных и ригидных тенденций в жизнеобеспечивающей сфере народного быта.

Анализируя процессы трансформации элементов материальной культуры, С.С. Разаханов выделяет три этапных периода этой динамики – традиционный, совпадающий с отмеченным рубежом XIX-XX вв., являющий как бы исходную картину состояния материальной культуры, эпоха советской социалистической модернизации и три постсоветских десятилетия нашей истории, которые по протяженности вполне достаточны, чтобы исследовательски оценить его результаты.

С.С. Разаханов детально фиксирует появление новационных элементов в бытовой сфере, прежде всего тех новаций, внедрение которые обеспечивало «сущностно-временные изменения в материальной культуре лезгин» (с. 13). И это самые разные объекты в самых разных сферах жизнеобеспечения. Так, новационные изменения существенно изменили планировку села, прежде всего в переселенческих аулах. Появляются объекты, манифестирующие новые социально-политические основы постреволюционного строя (здания сельсоветов, правлений колхозов/совхозов и др.), а также отражающие общую эволюцию общественной инфраструктуры (здания культурных, образовательных, медицинских, спортивных, торгово-хозяйственных и др. учреждений, объектов хозяйственно-технического назначения и др.). В то же время изменения планировки селений, появление новых строительных материалов и оборудования позволило внести новационные изменения в конструктивные особенности и пространственное расположение лезгинских жилищ.

Трансформация традиционной одежды привела к ее кардинальным изменениям, хотя пределы этих изменений стеснены соответствующими нормативными рамками, которые диссертант, развивая идеи З.У. Махмудовой, называет региональной северокавказской модой, в которую входит и лезгинский сегмент. Наконец, диссертант рассматривает вхождение инноваций в системе питания лезгин, которая в целом сохранив свою традиционность, тем не менее восприняла некоторые элементы кухонь соседних народов.

В качестве важного теоретического вывода, который вынесен диссертантом на защиту, это утверждение, что различные уровни трансформации жилища и одежды (в которых произошли значительные изменения), поселений (частично) и в наименьшей степени пищи обусловлены разной степенью воздействия социокультурных процессов на компоненты культуры жизнеобеспечения, а также здоровым консерватизмом и приверженностью к традиционному укладу, присущему этнической психологии дагестанцев.

Однако непонятно, почему в одних случаях здоровый консерватизм стал заслоном на пути новационных изменений, а в других неожиданно утерюл свои защитные свойства; почему приверженность к традиционному укладу в случае с пищей не допустила никаких инвазий, а в случае с одеждой и жилищем допустила существенные изменения.

Мне кажется, это свидетельствует о том, что консерватизм и приверженность к традиционному укладу не может, во всяком случае, не всегда, может служить объяснительной моделью при анализе трансформационных процессов в культурно-бытовой сфере. Диссертанту было бы важнее обратить внимание и проанализировать сущностное содержание социокультурных воздействий на бытовую культуру лезгин, пространство возможностей, которые открывает данный новационный ресурс в наращивании богатства и разнообразия материальной среды, на оптимизацию жизнеобеспечивающих структур социума. Но при этом, конечно, нельзя упускать из вида ментальные основания народного мировосприятия, общественной психологии и сложившейся нормативной культуры, которые играют существенную роль в селекции и адаптации новационных объектов.

Кроме того очевидно, что трансформационные процессы не всегда носили линейный характер по схеме: восприятие → адаптация → культурная трансформация. В ряде случаев конкретные объекты материальной культуры имели весьма сложную и противоречивую историю бытования в жизнеобеспечивающей системе этноса. Наиболее характерный пример в этом отношении, на мой взгляд, это здания мечетей. Как свидетельствует автор, в традиционном быту «в большинстве лезгинских селений имелись квартальные мечети и одна джума-мечеть» (с. 25), а площадь перед джума-мечетью являлась общественным центром аула (с. 26).

Но в периоде советской модернизации, при набиравшей обороты государственного административного и идеологического наступления на религию мечети как культовые центры в значительном количестве были ликвидированы, а здания были переоборудованы в лучшем случае под школы и медпункты, а в худшем под склады, спортзалы, клубы, а то и вовсе заброшены на разрушения. Отвечали эти потери духовного и материального наследия этнокультурным потребностям лезгинского народа? Однозначно, нет. Но в постсоветское время в Дагестане начался взрывообразный рост количества мечетей – частично восстановленных и отреставрированных, частично возведенных заново. Как определить эти явления: как инновации? Или эти процессы в духовной и материальной культуре следует рассматривать под иной дефиницией?

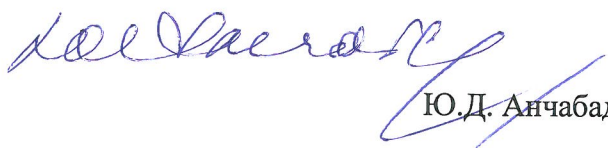
Поэтому, когда мы говорим о социокультурном контексте развития бытовой культуры в ее материальном (равно и духовном) воплощении, анализируя последствия

тотального влияния на нее исторических факторов межкультурного взаимодействия, вестернизации (начавшейся не сегодня), но и современных трендов развития, охвативших всю ойкумену в виде глобализации, а в последнее время цифровизации окружающего нас пространства, мы не должны упускать из виду важнейший источник социокультурных перемен в обществе – государство. Именно эта надстройка, его институты, правовая и административная практика оставили глубочайший след в этнокультурных трансформациях у наших народов. И это воздействие было как положительным (вложения в инфраструктуры народного быта, внедрения социальных программ и др.), но и крайне негативное, когда действия государства нарушали права общины и социума (депортации, выселения, переселения, попытки трансформировать духовные основы этнической идентичности, техногенное вмешательство в аутентичное природное окружение горных территорий и др.). Эти аспекты очень важны и должны присутствовать в этнологическом анализе социокультурных трансформаций, но, к сожалению, в работе им не было уделено достаточного внимания.

Оппонент высказал некоторые замечания и пожелания, но они отражают попытку собственной рефлексии по поводу весьма глубокого и основательного исследования С.С. Разаханова. Автор проделал значительную работу по сбору, систематизации и анализу собранного материала. Работа содержит много ценных наблюдений и выводов, которые очень важны для понимания специфики процессов развития материальной культуры, в том числе контексте истории их постсоветской эволюции. Работа демонстрирует высокую степень новизны представленного материала, самостоятельность исследовательской стратегии и обоснованность сформулированных выводов.

Автор диссертационного исследования – Саид Сефербекович Разаханов заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. Этнология, антропология и этнография.

Официальный оппонент
заведующий отделом Кавказа,
ФБГУН Институт этнологии
и антропологии РАН,
доктор исторических наук

Ю.Д. Анчабадзе

«18» ноября 2025 г.

Семарина И.В.